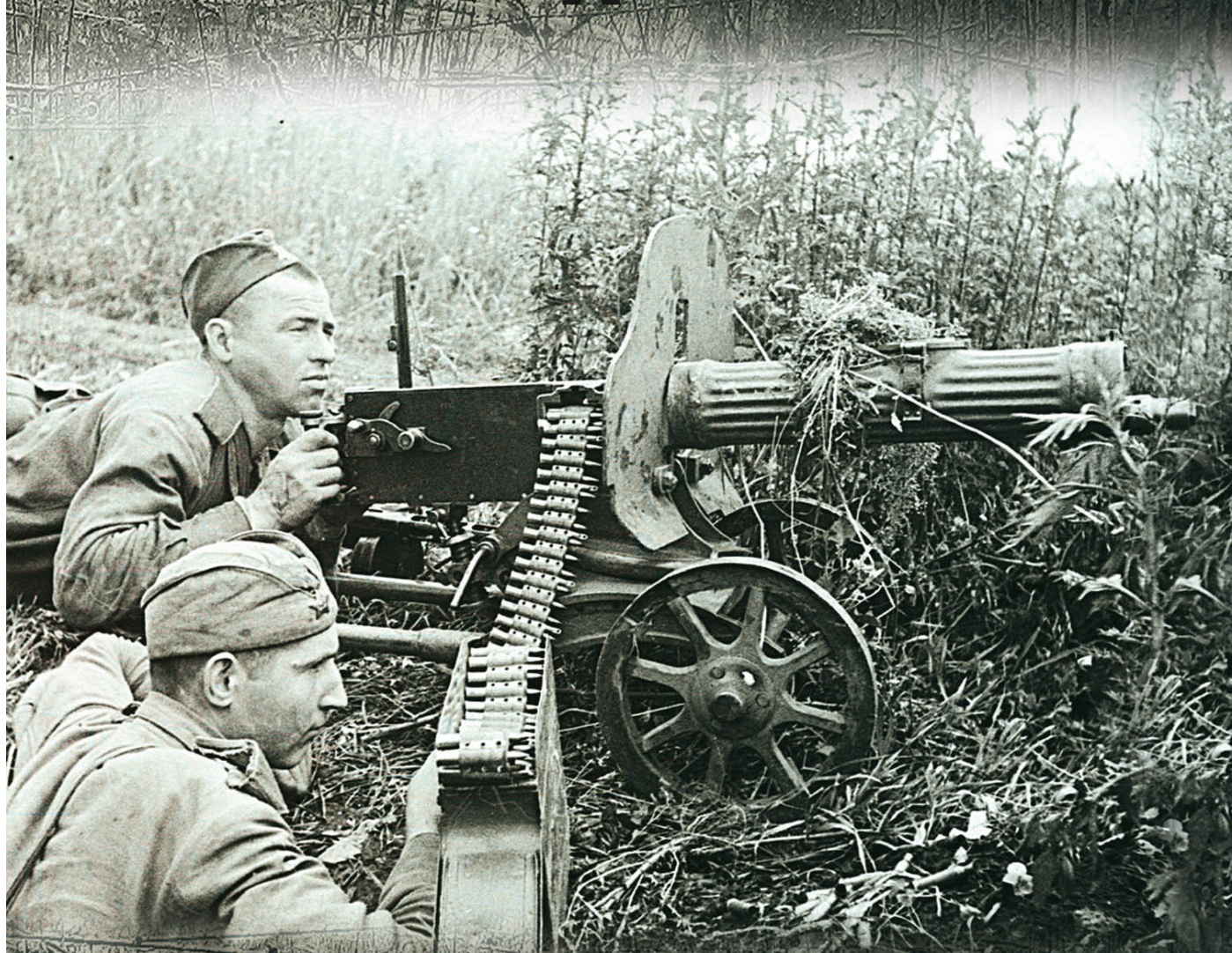

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

ПУЛЕМЕТЧИКИ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

Пулеметчики

«Яуза»

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Пулеметчики / А. В. Драбкин — «Яуза», 2020 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-143-0

Во время наступления пулеметчики находились на острие атак, во время обороны – прикрывали огнем пехоту. Атакующий противник в первую очередь стремился выбить пулеметные расчеты. За их огневыми точками постоянно охотились вражеские снайперы. На них первых обрушивался огонь артиллерии, танков, самоходных установок, бомбардировочной и штурмовой авиации. Пулеметчики на фронте несли настолько большие потери, что их часто называли смертниками. О службе на переднем крае, о тех испытаниях, которые выпадали им в годы войны, рассказывают в новой книге «Пулеметчики» серии «Война. Я помню. Проект Артема Драбкина» сами фронтовики: солдаты, сержанты и офицеры пулеметных войск.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-143-0

© Драбкин А. В., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Мичурин Василий Сергеевич	6
Чуприна Алексей Гаврилович	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Артем Драбкин

Пулеметчики

© Драбкин А.В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Мичурин Василий Сергеевич

В армию меня призывали дважды. Первый раз призвали в 1937 году, когда мне исполнился 21 год. Но дивизии тогда были территориальные, так что меня призвали, записали в территориальный полк и отпустили. Я поехал в Ленинград, где тогда работали отец и брат. Работал на стройке, а в 1939 году, после реформы армии, меня опять призвали. 29 октября направили в Горький, в пулеметную роту 271-го мотострелкового полка 17-й мотострелковой дивизии. Туда я прибыл 3 ноября. 7 ноября в Горьком был парад, посвященный годовщине революции, но на него старший призыв пошел. После парада у нас началась усиленная подготовка, день и ночь изучали пулемет «максим» – общий обзор, разборка-сборка. Кроме пулемета, мы изучали винтовку Мосина, потому что весь расчет, кроме первого номера, был вооружен ими, у первого номера был наган.

В январе 1940 года нашу дивизию направили на войну с Финляндией. Прибыли мы туда в конце января, когда война уже вовсю шла. Первое наше наступление финны отбили, войска остановились, встали в оборону. Наша дивизия сменила какую-то сильно потрепанную часть.

5–6 февраля разведрота нашего полка проводила разведку боем, нам было нужно уточнить огневые позиции, расположение противника. Но финны наш маневр разгадали, без всякой стрельбы роту пропустили, и уже внутри финских позиций завязался бой. Несколько человек из роты смогли вырваться, доложили, что произошло. Утро, снег искрится, а на нейтральной полосе стоял наш подбитый танк. Политрук роты говорит: «Нужны добровольцы – подползти к этому танку и выставить красные флажки. Те, кто там выжил, могут эти флажки увидеть и выползти к нам». Я был комсоргом взвода и вызвался. По-пластунски пополз к танку, дополз,

немного отдохнул, а потом с носа и кормы выставил флажки. На них два человека выползли. Потом еще часа два просидел, но больше никого не было. Вернулся обратно, доложил.

11 февраля мы пошли в наступление. Прорвали первую линию, и в это время прибыл завтрак. Мы остановились позавтракать, а семь офицеров-разведчиков с комбатом пошли вперед и попали в засаду. Там такие валуны большие были, финны за ними спрятались и всех ножами порезали, без всякой стрельбы. Срезали планшеты с документами и ушли. С разведчиками несколько рядовых было, один выжил. Когда финны ушли, он выскочил и прибежал к нам, кричит: «Комбата убили!» Комиссар батальона, старший политрук Власенко, сразу батальон поднял, на танки и вперед. Прибыли на место, а они там все распластанные лежат.

Пошли дальше. Подошли к Пуннусйоки, а финны с того берега из пулеметов палить стали. Мы остановились, и тут приказ: «Пулеметчикам переправиться через реку, обеспечить пехоте прикрытие». Я одну лыжу снимаю и вперед иду. Мороз 30 градусов, а река не замерзла. Вода мне где-то по грудь была, но ничего – перешел. У меня с собой ранец был, в нем запасные портянки, летнее обмундирование, так я, как только переправился, все с себя быстренько снял, переделся. Тут ребята бегут, я им: «Ребята, вперед!» Они пошли, установили пулемет, открыли огонь и обеспечили продвижение пехоте.

Вышли к роще, закрепились, и в это время нашему взводу приказали выдвинуться правее батальона, окопаться и ждать, пока финны пойдут в атаку. Наш батальон в полку был крайний, а соседний полк немного отстал, и финны могли нас обойти.

Пошли я, Окунев, Майоров, Хмельницкий и наш командир взвода Суренков. Только двинулись, метров 700 прошли, – как финны огонь открыли. Пули в катки пулемета попадают, искры летят. Слышим, Суренков кричит, ранило его. Оттащили его в тыл и остались без командира. Но я постарше был, к тому же комсорг, так что взял командование на себя. Говорю: «Ребята, давайте окопаемся в кустах». А наши финские позиции бомбили 500-килограммовыми бомбами, от них хорошие воронки оставались. Нашли такую воронку и заняли в ней оборону. Майоров с тыла Окунев с левого фланга, Хмельницкий справа, я посередине. Не курить, ничем не звякать, говорить только шепотом.

Сколько так просидели – не помню, тут слышим – скрип, шум. Приготовились. Они на правый фланг пошли, где москвич Хмельницкий был. Он открыл огонь, и вдруг – тишина! Хмельницкий кричит: «Мичурин, пулемет заело!» Я туда. Схватил за рукоятку, смотрю – перекокс патронов. Выбил патрон, только вставил ленту, хлопнул по станку (это секунды), тут разрыв гранаты и полголовы Хмельницкого нет. Финны метрах в 20, так я всю ленту (250 патронов) всадил. Оставил у пулемета подносчика Королева, сам пошел за свой пулемет. Смотрю, Окунев открыл огонь. Часть финнов в тыл прорвалась, так Майоров их так прищучил, что они в центре атаковать стали. Я тоже врезал как следует. И вот они четыре раза лезли. Утром к нам комиссар батальона с пополнением пришел, притащили еще один пулемет. Я комиссару докладываю, говорю: «Товарищ старший политрук, минометчики нам помогли, смотрите, сколько их тут».

Пошли дальше. Вышли к реке Вуокса, это уже большая река. Отрыли траншеи, я с расчетом сел в воронку из-под снаряда. Ночью старшина ползет, спрашивает: «У тебя есть наркомовский запас?» – «Да, недавно только получил». Нам водку выдавали, но мы только по пробочке от фляги выпивали, не напивались. Напьюсь – потеряешь бдительность. Он ушел, я сижу, наблюдаю. Смотрю, впереди что-то звякнуло и вспыхнуло, и горит, как костер. Потом слышу, ползет кто-то, тяжело дышит. Два танкиста к нам подползают, это их танк подбили, говорят: «Кто тут есть?» – «Ползите дальше, там медсанбат, вам помогут».

Только они ушли, ползет командир роты Зайцев. «Кто пулеметчик?» – «Мичурин». – «Как, герой?» – «Ничего, нормально». – «Выпить есть?» – «Есть». Я наливаю, ему подаю, в это время мне по скуле как рванет, аж искры из глаз полетели. Я Зайцеву: «Ты что дерешься?» – «Это не я». Посветил фонариком, пуля пролетела... Она, к счастью, убойную силу потеряла и только скулу мне оцарапала...

К этому моменту мы уже научились воевать. На некоторых винтовках гранатометы были, так мы гранатометчиков пускали вперед, они давали залп, а потом мы перебежками. Вели активные боевые действия.

13 марта я на позиции был. Сам за пулеметом лежу, расчет сзади, в окопах. Я лежу, и тут мне в ноги мина падает. Меня такой страх охватил... Но, пересилил, выполз вперед, а мина так и не взорвалась.

Только я отошел, справа открыла огонь батарея 76-мм пушек. И тут смотрим, прям по нашим позициям человек бежит, руками машет. Ребята спрашивают: «Что такое?» – «Наверное, сошел с ума». Такие случаи у нас были. Потом зам. политрука прибежал, говорит: «Война закончилась! Разряжайте пулеметы!» И с нашей, и с финской стороны выстрелы стихли. Я смотрю, финны из окопов вылезают, садятся на бруствер и закуривают сигареты. Я даю команду: «Ребята, давай тоже на бруствер». Вылезли на бруствер, закурили. Потом команда: «Отойти в тыл». Мы километра на 3–4 отошли, остановились, и там нам сказали, что в Москве подписано перемирие, война окончена.

Мы от радости просто ошалели. Потом все пулеметные взводы снова в одну роту свели, на войне-то нас батальонам придавали, а меня назначили исполняющим обязанности старшины роты – наш незадолго до этого ноги отморозил. Привезли кашу, макароны, свинину, две бочки водки. Мы поели, 100 грамм выпили, после чего нас в санпропускник отправили, самое странное – вшей не было. Помылись, и мне приказали подготовить людей для поездки на экскурсию в Ленинград. Я подготовил, отправил. Потом к командиру роты прихожу, говорю: «Товарищ старший лейтенант, если еще будет группа, отправьте меня», – я же до армии штукатуром в 3-й конторе работал. Был членом комитета комсомола этой конторы, профоргом. В этой же конторе у меня брат работал, его тоже призвали, он был зенитчиком. На следующий день еще одну группу сформировали, в которую включили и меня. Приехали в Ленинград, группу в Зимний на экскурсию повели, а я не пошел. Отпросился, пришел к себе в контору, меня ребята обступают: «Мичурин, про тебя же в газете «Красная звезда» целая заметка, ты же герой!» А я про эту заметку и не знал, до нас газеты не доходили.

Потом нас посадили в эшелоны, и дивизия поехала обратно в Горький, но наш полк направили в Павлово-на-Оке, это где-то 90 километров от Горького. Приехали туда, казарм не было, так что кого где расположили – кого в школах, кого в других учреждениях, а нашу роту поместили в Клуб металлистов.

7 апреля 1940 года рота пошла на политинформацию, которую комиссар батальона проводил, а я с дневальным остался порядок наводить. Дневальный орет во всю ивановскую: «Смирно!» Смотрю, майор Петров, заместитель командира полка, пришел, командир полка тогда был ранен. Я докладываю: «Товарищ майор, рота находится на политинформации, за старшину такой-то». – «Показывай, где ваши пулеметы». А у нас пулеметы прямо на полу стояли, и когда дневальные подметали пол, пыль прям на смазанные пулеметы и осела. Ее сразу видно. Он говорит: «А ты куда смотришь?!» Пишет на крышке слово из трех букв: «Что написано?» – «Нецензурное слово». – «Говори какое!» Я сказал, а Петров: «И ты такой же!»

Только он ушел, сверху солдат бежит, говорит: «Мичурин, беги к комиссару батальона». Поднимаюсь на второй этаж. Только поднялся, все вскакивают, меня схватили и кричать: «Ура!» Я обалдел. Подходит комиссар: «Василий Сергеевич, я вас поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза». – «Товарищ комиссар, это же танкистам, летчикам, но не пехоте!» Я максимум на медаль «За отвагу» надеялся. А комиссар продолжает: «Можешь и меня поздравить, мне тоже присвоено звание Героя Советского Союза». Ему за то, что он взял на себя командование, когда комбат и разведка погибла.

А мне неловко как-то, даже не верится. Ребята мне телеграмму из конторы, в которой работал, протягивают, там: «Поздравляем!» Потом пришли газеты «Правда», «Красная

звезда», в них указ: из нашей дивизии троим присвоили звание Героя Советского Союза, причем двое из нашего полка.

В мае я стал кандидатом в члены партии, мне было присвоено звание замполитрука, четыре треугольника в петлице и звезды на рукавах, а в августе меня направили в Минское военно-политическое училище. 28 августа я прибыл на Первомайскую, 26. Сдал экзамены, и меня сразу же назначили командиром 3-го взвода роты курсантов, в училище две роты было: наша – рота курсантов – и рота политруков, направленных на переподготовку. В этом училище мы изучали географию, топографию, тактику, вооружение. В феврале 1941 года мой взвод занял третье место на всеармейском кроссе им. Тимошенко, и 18 мая меня направили в командировку в Москву, я должен был получить приз – портрет Тимошенко. Приезжаю в Москву, докладываю. Мне: «Вы что, один прибыли?» – «Так точно, один». – «Портрет в рамке, рамка два метра высотой. Как ты понесешь?» Дали мне помощников, они сделали на рамку футляр, довели меня до вокзала. Там я портрет сдал в багаж и в июне прибыл в расположение училища, которое в это время было в лагерях.

18 июня у меня закончился кандидатский стаж, и мне требовалась рекомендация из дивизии, она в это время в Полоцке находилась. Приезжаю в Полоцк, а полк и дивизия в это время ушли в район Лиды, причем без боеприпасов, только личный состав. Когда война началась, им крепко досталось...

В общем, рекомендацию я не получил, некому было ее дать. 20 июня в Полоцке зашел к секретарю райкома комсомола, он меня хорошо знал. С ним побывал на выпускном вечере и 22 июня прибыл в Оршу, там пересадка была. Выхожу из вагона, и вдруг на меня бежит взломаченный такой бирюк, а за ним с носилками бегут. Я ногу подставил, бирюк упал, подбежали с носилками, говорят: «Сумасшедшего везем, он вырвался». И тут я подумал, что будет что-то нехорошее.

Пришел на вокзал и услышал выступление Молотова. Комендант вокзала сразу же говорит: «Военнослужащие, едущие в отпуск, выйти из вагонов и следовать в Минск, для направления в свою часть». Гражданских, не жителей Минска, в Минск уже не пускали.

Приехал в Минск. У вокзала зенитки стоят, патрули. Прибыл на полигон, в расположение роты, а 23–24 июня нас, курсантов, направили в Минск, оказывать помощь гражданам, которые попали под бомбежки немецкой авиации. Они, сволочи, что делали – от вокзала по улице Ленина, сейчас это улица Победы, летели примерно 100 самолетов, бомбили и из пулеметов стреляли. Мы выводили очумелых людей из огня. Направляли их на Москву, Бобруйск, Могилев, Осиповичи. Потом мы получили приказ двигаться в район Могилева.

Прибыли на Буйничское поле, где нас зачислили в резерв политуправления Западного фронта. Дали три машины, меня назначили старшим, и мы поехали в Оршу, штаб фронта к тому времени под Смоленск переехал, в Гнездово. Приехали в Оршу. Город горит, а нам есть хочется, пайков-то нет. Ребята говорят: «Давай, возьмет директор магазина за яйца, скажем, мобилизовали для нужд фронта». Так и сделали. Директор говорит: «Берите что хотите, только дайте мне документ, что взяли для нужд фронта». Мы ему бумагу написали, масло, булки, консервы в машины загрузили и поехали. Приехали в Гнездово. Там был организован пере-сылный пункт запаса политсостава, их же мобилизовать нужно, а потом в части направить. На этом пункте я опять оказался старшим. Всех распределили, осталось двенадцать человек курсантов. И тут пришел приказ: присвоить всем нам звание младшего политрука. Выдали новое обмундирование, мы повесили в петлицы по два кубаря. В это время штаб фронта переехал дальше, за Ярцево. Прибыли в Ярцево, там река Лобь, и мы пошли искупаться. Сняли обмундирование, только в реку вошли, смотрим – левее нас клеверное поле, а на нем парашюты, немцы выбросили десант. Мы форму схватили и почти голые побежали к коменданту Ярцево. Там переоделись, а немцы в это время Ярцево из минометов обстреливать стали. Но ничего, уничтожили этот десант, а потом в Ярцево Рокоссовский приехал, он останавливал группы

бегущих и направлял их в части. Я попал в 64-ю стрелковую дивизию, она Минск обороняла, а когда стала отходить, немцы часть дивизии окружили, но основная часть дивизии вышла со знаменами, так что ее пополнили и снова на фронт.

Вот в эту дивизию я и попал, политруком пулеметной роты 3-го батальона 288-го стрелкового полка.

Под Ярцево дважды был ранен. Первый раз – когда этот десант уничтожали, а второй – у совхоза им. Зайцева, он правее Ярцево был. Немцы пошли в атаку. Артиллерия, минометы, пулеметы – отбили. Второй раз пошли – отбили. Третий раз их напоили пьяными и под барабанный бой в психическую атаку. А у меня три пулемета, рядом минометная батарея. Я минометчику говорю: «Давай поближе их подпустим». Они метров на 200 к нам подошли, мы как дали по ним из пулеметов, минометчики тоже как дунули – немцы и побежали. Пошли на поле собирать трофеи, часы, сигареты и прочее. Выходим, там немец раненный. Я ему: «...твою мать, доколи вы тут воевать будете?!» А он на чистом русском: «Пока всех не перебьем, будем воевать!»

Потом немцы опять в атаку пошли. Пулеметчика и наводчика ранило, их в тыл отправили. Командир роты за пулемет лег, пострелял немного, и его тоже ранило. А впереди большой валун, немцы сбоку от валуна. Я тогда беру пулемет – и к этому валуну. Немецкий расчет положил, потом меня у пулемета сменили. Рядом сарай стоял, я там НП сделал. Стою, наблюдаю, и в это время подбросило руку. Гляжу – кровь. Санпакетов уже нет, израсходовали. Рядом борона была привязана, так ребята кусок веревки отрезали, руку мне перетянули, и я пошел в медпункт полка. Прихожу, рука вздулась, но вскоре медицинский самолет прибыл, и меня отправили в Гагаринское имение, в армейский госпиталь. Привезли, врачи говорят: «Тебе наркоз или спирт?» – «Спирт». Они мне кружку налили, и я с катушек. Мне пулю вырезали, перебинтовали. Я в себя прихожу, на руке уже повязка, и: «Все, товарищ дорогой, иди в роту».

Прибыл в роту. Стали отступать. Мы вышли к реке Царевич. И в междуречье Царевича и Оби мы целый месяц воевали, правда, там уже не роты были, а отдельные группы солдат. То немцы нас подожмут, то мы их...

Потом у нас убило связиста. А надо же наблюдать, что впереди творится, и докладывать. Я командиру группы говорю: «Давай мне шесть солдат. Мы вперед пойдем и будем передавать, что видим». Пошли. Метров на 200 отошли, а немцы успели мину поставить, мы и подорвались... Кто впереди шел, тех насмерть, а мне осколки в шею и лопатку попали. В санитарном эшелоне меня отправили в Саранск, в госпиталь. Там я лечился до декабря 1941 года, а по излечении меня направили в распоряжение политуправления Московского военного округа, оно тогда было в Горьком.

Прибыл в отдел кадров. Мне говорят: «Формируется маршевая рота. Пойдешь на фронт». – «Есть!»

Я развернулся, уже взялся за ручку двери и тут слышу: «Подожди. Ты уже и ранен был?» – «Даже три раза». – «Мы тебя направим в роту охраны штаба Московского военного округа. Эта рота только формируется, командир уже назначен, вы будете у него заместителем». Я, когда это услышал, так обрадовался... Навоевался...

Прибыл в роту, стали с капитаном ее формировать, а когда сформировали, меня в штаб вызвали и говорят: «Заместителем на роту постарше тебя пойдет, а тебя мы направим на курсы младших лейтенантов, помощником по комсомолу политотдела этих курсов».

Прибыл на курсы, они сперва в районе ВДНХ находились. Потом мы переехали в Кузьминки, в здание ветеринарной академии, которая была эвакуирована в Ташкент. До 1944 года служил там, женился (я, когда в госпитале лежал, познакомился с медсестрой, которая за мной ухаживала, потом в Москву ее привез).

В 1944 году меня вызвали в ГлавПУР, к секретарю ЦК Щербакову, хотели направить в Уральский военный округ помощником начальника политуправления. Я как это услышал,

говорю: «Товарищ генерал-лейтенант, не хочу в тыл, не поеду. Направляйте в полк комсоргом полка!»

Щербаков засмеялся, говорит помощнику: «Что у нас формируется на фронт?» – «В Подольске формируется управление корпуса. Корпус идет в состав 1-го Белорусского фронта». – «Пойдешь помощником по комсомолу этого корпуса?» – «Раз на фронт – с удовольствием».

В Подольске сформировали управление корпуса и нас направили в Новозыбково, там в корпус стали приходить части – три дивизии, батальон связи, разведбатальон и прочее. Корпусом командовал Павел Федорович Батицкий. С этим корпусом воевал на 1-м Белорусском, потом на 3-м Белорусском, брал Кенигсберг. После Кенигсберга нас направили на 1-й Украинский фронт, брали Берлин, потом нас в Чехословакию направили. Войну окончил 13 мая.

– Спасибо, Василий Сергеевич. Еще несколько вопросов. Когда вас призвали в 1937 году, вы курс молодого бойца прошли?

Ничего не прошел. Меня призвали, записали в территориальный полк, и все. Никакой службы не было.

– В 1939 году в подготовку входила стрельба из пулемета с закрытых позиций?

Не входила, это уже после учили. Стрельбой с закрытых позиций хорошо наш командир роты владел. Он такую подготовку имел, что мог не одним, а, допустим, тремя пулеметами с одной точки управлять. Но это все теория была, на практике каждый взвод был придан к роте стрелкового батальона.

– Когда вы шли на передовую, присутствовала служба регулировки движения?

Нет. В первый период войны вообще никаких дорог не было, мы шли по пузо в снегу. А уж потом, когда война закончилась, дороги были, но регулировщиков я не видел.

– Глубина снега какая была?

Метра полтора.

– Когда пошли в наступление, бронешитки взяли или оставили на позициях?

Оставили. С бронешитками тяжело идти было. Они сами тяжелые, да еще полтора метра снега.

– В наступлении командиры рот где были?

Командир роты пулеметчиков двигался вместе со штабом батальона, он должен был командовать ротой, а рота была придана батальону, по пулеметному взводу на пехотную роту.

– А командиры стрелковых рот? Они где шли? Вперед?

Такого, чтобы шли впереди, – не видел.

– За командирами финны охотились?

Конечно. Они же в белых овчинных полушубках были, от нас отличались, и «кукушки» за ними охотились.

«Кукушки» сильно мешали?

Первое время да. А потом мы что стали делать – впереди идет взвод разведки и обстреливает верхушки деревьев. Прежде чем войти в рощу, мы по ней огонь вели и только потом шли вперед.

– Бывало такое, что финские минометчики охотились за пулеметчиками?

Конечно. Еще финны за санитарями охотились. Бывало, ночью с нейтральной полосы мы слышим: «Санитары, помогите». Финны это учли, стали сами на нейтралку выходить, звать санитаров. Те идут, а финны их хоп...

– Потери в расчете были большие?

Да. У меня весь расчет сменился. Последним Королев был ранен, когда мы уже на Пун-нуйоки отбивались. Мы с ним тогда вдвоем остались, он был ранен в ногу и шею, раненым мне патроны подносил. Я его кое-как перевязал, а утром его в тыл отправили, и я с ним только через 30 лет встретился.

– В полку потери большие были?

Большие потери только в первой атаке были. А потом, когда вышли к реке Вуокса, на том берегу доты были, так наши столько артиллерии поставили, что шагнуть негде было. Там даже 203-мм орудия прямой наводкой били. Вообще, артиллерия нас хорошо поддерживала.

– А как вообще с дотами боролись?

Стали формировать группы по уничтожению дотов, в которые входили пехотинцы, пулеметный расчет, саперы с толовыми шашками. Группа примерно восемнадцать человек. Пулеметчики обеспечивали прикрытие на случай, если финны обнаружат и начнут атаковать. А саперы обкладывали этот дот и подрывали его.

– Василий Сергеевич, вы сказали, что вас хорошо поддерживала артиллерия, а авиация поддержку оказывала?

Да. Вообще, когда стал руководить Тимошенко – совершенно другое дело было. Мерцков сперва неправильно направление выбрал, севернее Карельского перешейка, и там их побили. Потом его и на Карельском прищучили. А когда Тимошенко пришел – все изменилось. Были сделаны дороги, налажена дисциплина. Офицеров пропустили через специальные полигончики.

– Как «максим» работал на морозе?

Плохо. У финнов немецкие МГ-34 были и немецкие минометы. Они сперва с Англией были, а потом отошли от англичан, переключились на Гитлера. Так у них нет такого охлаждения, как у «максима». У нас кожух заполняется водой или антифризом, глицериновой смесью, а если жидкость вытечет – пули падают в 5 метрах от пулемета. Это первое. Второе – очень густая смазка и гарь, в результате ствол очень туго ходил. Если командир расчета не заметит и не устранил это – все, пулемет не стреляет. Так мы через старшину просили, чтобы он нам не водку, а бензин давал, чтобы гарь устранять и смазку разбавлять.

– Василий Сергеевич, вы сказали, что офицеры были в белых полушубках, а как вы одеты были?

Хорошо. Два комплекта обмундирования. Летнее обмундирование, на него зимнее, брюки ватные, теплая фланелевая рубашка, шапка-ушанка, рукавицы, белые маскхалаты. Правда, маскхалаты не очень удобные были, комбинезоны. Мы-то, пулеметчики, в них в атаку не бегали, мы только поддерживали, а пехотинцам он немножко мешал. В Отечественную войну это учли, и там отдельные маскхалаты появились.

– Как обустроивали быт, где жили?

Раскапывали снег, у нас были небольшие плащ-палатки, так мы этой накидкой ямку накрывали и в этой норе отдыхали. Ставили наблюдателя и зарывались в снег.

– Пополнение в роту приходило?

Конечно. В Финляндии у нас много башкир было. Они такие вояки! Их ничем не выкурить из-за пулемета! Водку не пьют, сало не ест, им только чай давай! Так мы сало забирали, а им сахар давали. В Великую Отечественную у меня в основном были московские и смоленские ребята.

– Смертные медальоны выдавали?

Всем выдавали. Но некоторые не заполняли, считали: заполнишь – тебя убьют.

– Как хоронили погибших бойцов?

В каждом полку были похоронные команды, в них в том числе и музвзвод входил. Земля мерзлая была, так ее рвали, делали могилы и хоронили.

«За Сталина!» кричали?

Это смешная история была. После войны на Карельский перешеек стали прибывать экскурсанты, и один капитан рассказывал, как штурмовали доты. И вот однажды журналистка задала этому капитану вопрос: «Товарищ капитан, что вы кричали, когда шли в атаку?» – «Мы кричали «К е... матери!» Все упали.

– Действительно так кричали?

Кричали, а как же. Не все же кричали: «Вперед За Сталина!»

– Ваше отношение к финской войне?

Его очень точно описал Сталин на апрельском совещании командного состава. Шапкозакидательство – это уже не война. Вы решили взять на ура – на ура не возьмешь, надо современной тактикой, чтобы хорошо работала разведка, артиллерия. Не жалеть снаряды, а жалеть личный состав. Война показала, что офицерский состав не готов к войне, армия не готова.

– Василий Сергеевич, в начале Великой Отечественной войны вы были политруком роты. Вам приходилось объяснять, почему мы отступаем?

Некогда объяснять было. Другой раз сам политрук за пулеметом лежал. Прежде всего доводили информацию, какая на сегодня задача перед ротой, батальоном, полком. Проводили политинформацию.

– Какое было настроение у солдат?

Надо защищаться. Пример показывали офицеры. Но были случаи дезертирства. Один раз устали на марше, легли на лесной поляне, заснули, даже наблюдатели заснули. Встаем – двух человек нет. Это смоленские места, смоленских мужиков взяли в роту, а они убежали домой.

– Как в первый период войны проходило отступление?

Это такая трагедия была... Ничего не понятно, хаос. Из бегущих, отставших солдат группы офицеров сколачивали подразделения, организовывали их. Атаку отобьем – ночью марш. Днем опять атаку отобьем – опять марш. Жутко выматывало.

А эти гады, они ж листовки с фотографией сына Сталина бросали, агитировали: «Сдавайтесь в плен, будете жить как положено».

Но комиссаров в плен не брали. У меня шансов не было. Мне надо было или – или.

– Спасибо, Василий Сергеевич.

Интервью: А. Драбкин

Лит. обработка: Н. Аничкин

Чуприна Алексей Гаврилович

Я родился в Ширяевском районе, село Николаевка, до революции – Ганское (120 километров от Одессы), в 1914 году, 17 марта. Мать была 1887 года, отец 1888-го, занимались сельским хозяйством. Отец тоже был на фронте, до 1917 года. Мать неграмотная, отец трошки грамотный – четыре класса закончил. Я что пережил: вспоминаю 1921–1922 годы – это голод. После этого постепенно отец и мать хозяйство заимели. Нас было в семье пять детей: сестра старшая – 1913 года, я – 1914-го, второй брат – 1918-го, третий брат – 1927-го и последняя сестра – 1929-го. Село было большое: около тысячи дворов. Когда начался голод, многие стали умирать, некоторые – выезжать из села. В основном в Крым: там было более-менее получше. Брат мой, который 18-го года, тоже поехал в Крым. Это уже 1931–1932 годы. Устроился грузчиком в санатории. Я остался дома, учился, хозяйством занимался. В 1932 году вступил в комсомол, а сестра старшая замуж вышла в 1933-м. Я закончил семь классов: у нас в селе семилетка была. Меня и еще двух комсомольцев, парня и девушку, по решению ЦК партии направили на курсы учителей в Первомайское. Тогда это был Троицкий район. Учились мы по 6 месяцев. Выпуск – в сентябре 1932 года. Командировали в райком комсомола на распределение. Девочку отправили в наше село, нас двоих – в другой сельсовет, в разные села. Я проработал в поселке два года. Тогда еще голод был, и учителям было указание давать пайки: масло постное, сахар – такое. А в некоторых колхозах было указание давать зерно. Мне, допустим, дали мешок пшеницы. И я завез, смолот и хозяину с хозяйкой дал и вот так на квартире был. Проработал два года и вижу, что тяжело моим родителям, которые в семи километрах от села, где я работал. А мой отец какими-то судьбами был на фронте медфельдшером. Документ он имел, и его приглашают работать фельдшером в село. Там врач был, но медфельдшер тоже

нужен был. А раньше он работал кладовщиком в колхозе. Ну а я приезжал домой в выходной, в воскресенье. Там я встретился с одним учителем, который приехал в отпуск. Он 1902 года. Работал в Молдавии, под Тирасполем. Говорит: «Алексей Гаврилович, давай приезжай, я тебя устрою в Молдавии учителем. Потому что тяжело здесь, в Молдавии трошки легче». И я взял в сельсовете справку о том, что работал учителем, и в сентябре с этой справкой приезжаю к нему в село Федосеевка. Он был на конференции. Я на третий день еду к нему в районный центр, он меня ведет к инспектору образования района, и мне дают направление в сельскую школу. Мы едем с этим учителем в село, он мне отдает своих учеников, которые у него были в этой школе: первый-четвертый класс, и вот таким путем я работаю. Там были молдавские и украинские села. Молдаване ходили в молдавскую школу, а я работал в украинской. Отработал там пять лет: с 1934-го по 1939-й, а в 1939-м нас, учителей, забирают в армию. До этого нас не брали, потому что была бронь. И двадцатого сентября нашу команду отправляют эшелоном в Тирасполь, и в часть: через Ростовскую область, в портовый город Ейск – маленький красивый город. Приехали вечером, разгрузились – и в баню. Помылись, переоделись – и в казарму. Пехота: 158-я стрелковая дивизия, 875-й стрелковый полк. В казарме двухэтажные койки. При дивизии было 3 полка. Кормили хорошо. Таким путем я прослужил 1939-й, 1940-й, а 1941-й – война. А я должен демобилизоваться в сентябре. И все, пошел на фронт.

Причем, я хотел сказать, в армии меня взяли в полковую школу – это где готовят младших командиров, шесть месяцев: сержанты, старшие сержанты, ефрейторы. И нам в мае месяце присвоили звания: кому сержант, кому старший сержант. Мне тоже «старший сержант». А в июне, еще до войны, нашу дивизию эшелоном отправляют на Украину, под Черкассы. Там мы на стрельбище ходили, километров пять в лесу. А когда только объявили, что война, так на стрельбище приехал на лошади кавалерист, дал данные, и все быстро снялись в штаб полка. Нас полностью вооружают, полная боевая готовность, и на другой день мы выехали на станцию Фастов – это под Киевом. Когда ехали, то уже видели сбитые немецкие самолеты. Приехали на станцию где-то через недельку после того, как немцы начали.

– Скажите, а ефрейтор, у него какая должность, кем он командует?

Он – отделением.

– Ну, он выше, чем сержант или нет?

Не, ефрейтор – это младший. Ефрейтор, сержант, старший сержант, потом старшина и дальше... В полку нас распределяли и назначали: если ты сержант – мог быть командиром отделения, мог в роту ПВО попасть. Рота ПВО – это рота, которая была организована по борьбе с самолетами. Нам дали три машины, ЗИЛы, и на этих машинах были счетверенные пулеметы – «максимы». И я был командиром отделения в роте ПВО. Командир роты был капитан из Таганрога. Когда уже надо было идти на фронт, нас с этими пулеметами и машинами на эшелон – и через Киев на Смоленск. Высадили нашу дивизию на станции. Были и подводы, мы на машинах были. Уже полностью вооруженные: пехота – автоматы, винтовки, пулеметы станковые и другие, боеприпасы имели.

– У вас какое оружие было?

Карабин был. После этого давали автоматы, когда уже пошли в бой. При пехоте была пулеметная рота. Пехоте также давали пулеметы, только не станковые, а с диском, ручные. Когда в Смоленске высадились, мы на машинах, а пехота на подводах и пешком, – километров двадцать, в лес. В лесу и пехота, и артиллерия: 45, 120, 196-мм, и мы со своими машинами. Дня три побыли. Потом самолеты налетели: разведка, три самолета. Увидели, что в лесу полно солдат, и через двадцать минут налетели штук двадцать самолетов. Разбомбили в пух и прах. А мы – кто как, мы же необученные: кто в траншейку один на другого, кто в ямку сховался, кто тикал, кто падал. Разбежались. Командиры тоже: кого ранили, кого убили. У меня был окопчик, а многие не выкопали. На меня сверху тоже падали. Не выкопал окопчик – упал. Рядом бомба взорвалась, осколки рассыпались, и все. Командира роты ранило в ногу, по-моему, другого

солдата убило, третьего тоже ранило – мы даже огонь открыть не успели. Все. И паника. И ночь. Кто мог из командиров – собрал солдат, и назад, отступить на Смоленск.

А немец же тоже не дурной: высадил на аэродром под Смоленском десант. Пехота пошла уничтожать этот десант, а нас на машинах отправили к мосту через Днепр. Там уйма народу: пограничники, семьи пограничников, кто на подводах, кто пеший с детьми, раненые – и все на мост. Немец налетает и бомбит, а люди убегают. И в это время попадает бомба в этот мост. Кто мог – через Днепр вплавь. Мы переправиться не успели, нас примерно батальон. Ну как батальон: человек, может, 70–80 осталось. Командир роты ПВО оставил пост и на машине двинул с ротой, потому что немцы наступали. Бросил нас, несколько человек. Я уже был с винтовкой, без пулемета своего, и пошел в батальон, и начал с этим батальоном переправляться через Днепр. И ночью командир батальона через реку, через лес, через болото нас выводил. Вышли – там уже наши были, наша оборона. Я после этого так и остался в пехоте.

Побыли мы там некоторое время, а после этого нам говорят, что немец движется по Смоленской дороге на Москву. В нашу дивизию добавляют еще пехоты – каких-то сибиряков, – и тремя эшелонами, со станции Издешково, через Вязьму и Калугу, на Курск. А чего? Потому что немец двинул большинством уже на Николаев, на Одессу, на Херсон, на Днепропетровск, на Киев и после этого на Курск, на Рыльск. Нас в Курске высаживают ночью и говорят, что 70 километров пешим надо. Дали еще немного вооружения – и на оборону Рыльска, Курска. На Курск когда шли, там была маленькая речка, через которую тоже надо было вплавь. Нам дали пулемет «максим» дополнительно, и мы всё на спине: «тело», «коляску» – таким путем. Немец вооружен хорошо и полностью, а у нас вооружение не очень большое: артиллерия разве что 45-мм и 76-мм – частично. Постепенно мы отступали, сдавали Курск – это дело уже шло осенью. Я с пулеметом поддерживал пехоту: немец когда двинул, так я должен своим пулеметом по немцу – чтоб могла пехота пройти. Курск сдали, уже за Курск двинули километров 30.

– Первый бой помните?

Первый бой был еще там, под Курском.

– Расскажите?

Ну так что там рассказывать: тикать надо было, потому что немец вооружен полностью, а мы слабые были... Сдали Курск, километров 30 от Курска отошли, до Кшени, – и зима. Мы заняли оборону, и немец уже тоже не мог наступать дальше – тоже занял оборону.

– За что вам медаль «За отвагу» дали?

Это когда мы с Курска отступали, и возле Щигров (станция такая – Щигры) бои у нас были. Там речечка, а через речку мост с железной дорогой. И через этот мост должен был переправиться бронепоезд, а потом эту железную дорогу взорвать. Вот здесь немец наступал с Курска на Щигры (*показывает по карте*), а я своим станковым пулеметом занял оборону: у нас была пулемётная рота. Держали этот мост двое-трое суток, пока бронепоезд не прошел. А после, когда поезд прошел, то мы тоже дали деру, и на Кшень. Эта Кшень – маленькое село: с одной стороны села мы, а с другой – немец, и таким путем бои. Там и наших легло, и их. А потом дали нам три танка, тридцатьчетверки, и сказали: «Ну теперь, хлопцы, давайте в наступление». Они с пехотой начали наступать, я пулеметами поддерживаю. А у немца танки не могли двигаться. И наши танки их многих помяли. Мы продолжали наступать, и под Глуховым 10 января меня в ногу ранило: вот здесь, на этой ноге, где сейчас протез (*засучивает левую штанину до колена, показывая деревянную культю*). Как будто бы назначено было (*смеется*). Где-то мина немецкая разорвалась, осколок пролетел: бах! И попал не в кость, попал в мякоть. Ну, кровь потекла и все, там уже санитар... В Воронеже в госпитале лежал три месяца. Выписали меня уже в марте 42-го. А тогда был такой период, что тех, кто воевал и был ранен, после выписки направляли в те части, в каких они воевали. Приехал я в комендатуру, со мной еще два человека, а нам говорят: «Ваша часть в Ростов уехала». Немец сначала Ростов взял,

а потом наши его выбили и на 60 километров отбросили. Приезжаем в Ростов, в свой полк, в пехоту, и опять нас направляют на оборону.

– В рукопашную ходили?

Нет, в рукопашную нет, потому что приходилось нам отступать. Отступили, нам дали часть пополнения, а немцы танки свои подбросили, и все... Мы за Ростовом держим оборону, а немец наступает уже на Харьков, и бои в Харькове идут. Там такие жестокие бои были... Немец берет уже Харьков полностью и наступает на Донбасс. И нашу дивизию отправляют на оборону: Донецк, станция Лихая, Каменск. Бои ведем. Дают мне опять пулемет, только уже не «максим», а ШКАС, крупнокалиберный. Он 17 миллиметров, установлен на машине. Дают мне человек шесть еще – отделение – и посылают на оборону речки Донец. Командир полка Добровольский, он трошки выпил, садится в нашу машину: он, шофер и адъютант. Дали еще сорокапятку и автоматчиков. Доезжаем, а немец уже переправился через речку, оборону занял по эту сторону и оттуда давай по нам. А мы что? Свои машины разворачиваем, отступаем, сорокапятка тоже уезжает, и все.

Занимаем оборону совсем в другом месте: станция Лихая. И оказывается, что немец там же, видно, занял другие станции и двинул на Ростов и Черкесск, и нас полностью припер. Мы опять отступаем: переправляемся через Донец и – в Сальские степи. Собирают тех, кто смог переправиться, погрузили на машины и отправляют на Черкесск, Ессентуки, Кисловодск, потому что немец Ростов уже захватил и двигается дальше на юг. Нас задвинули аж до Военно-Грузинской дороги, под горы. А немец уже забрал Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки взял. Городишко наш, уже не помню названия, артиллерией начал обстреливать. Снова надо тикать – отступаем в лес: пехота пошла в одну сторону с полком, а наша рота ПВО на машинах – в другую. Меня послал командир роты, говорит: «Пойди узнай, куда наш полк отступает». И я пошел с ними. А моя рота поехала дорогой через село, немец начал их обстреливать, и они совсем в другую сторону повернули. Таким путем я остался с пехотой и попал в комендантский взвод. Потом уже связались с нашими по радио, они, оказывается, совсем в другом лесу находились, дали мне направление, и я ушел. Нашел свою роту и уже с ними стоял в обороне. Относились мы уже к другой части и снабжали нас там же. Давали паек: то муку, то, если есть возможность, барана, овцу. Порезали – и на мясо, и так выживали в обороне. Ну а это уже зима: немец Сталинград берет, а мы здесь оборону держим – Северный Кавказ.

А в январе-феврале 43-го мы начали наступать по тому пути, по которому отступали. И постепенно обратно забрали Черкесск, взяли Кисловодск, Ессентуки, Минводы и остальные города. «Катюши» нам здорово помогли: у нас были «катюши», а у них – «ванюши». На станции Крымской четыре или пять месяцев стояли в обороне: немец на горе, а мы внизу. До тех пор, пока немец не начал тикать. После этого я уже на 4-й Украинский фронт попал. Крым освобождал, там меня под Севастополем ранило в спину, и я в Мелитополе в госпитале пролежал два месяца. А после этого меня выписывают и в запасной полк отправляют. Там говорят: «Вот, приехал командир, который хочет взять в школу, где будут учить офицерским званиям». А я сержант и думаю себе: чё ж не пойти на курсы? И я записываюсь в эту школу на шестимесячные курсы при 4-м Украинском фронте. Курсы сначала находились в селе Льгов (Черниговская обл.), а после Льгова, когда наши части полностью прошли Украину, нас перебросили в Черновцы, на западную Украину. И я там был с марта по сентябрь 44-го. Когда мы ехали из Льгова в Черновцы, где-то возле Ивано-Франковска наш эшелон обстреляли бандеровцы. А тогда был не Ивано-Франковск, а Станислав. Там же полностью штаб бандеровский: и под землей, и в лесу. Сразу бьют тревогу, и нас, уже полностью вооруженных, давай на борьбу с бандеровцами. И мы, курсанты, недельки две-три гонялись за ними по лесам. Чертков – вот здесь бои были у нас.

– А без курсов звания не давали, не было такого?

Нет.

– Бандеровцев вы убивали?

Не, они от нас ховались. Их молодежь некоторая убегала, так их брали в плен. Ну это наш ОБХСС. А дальше – черт его знает, что с ними делали. Наши как въехали в село и по первой только квартире зайти, а там бандеровец был. Он выскочил и – в конюшню. Хотел на лошади тикать, но не успел, потому что наши быстро подскочили. Так он пеший выскочил с села и в лес убежал. Ну, после этого его, правда, окружили да споймали. А вообще-то они, когда наши вошли в село, обстреливали. Ну, пехота окружила это село, прочесала. В лес заскочили. А в лесу, недалеко там, метров 10, кухня, и на кухне хлеб, масло сливочное, сало, еще некоторая закуска ихняя. Но они взяли да отравили все это.

– Отравился кто-то?

Не, мы когда подошли, то сразу заметили, что отравлено.

– Как заметили-то?

Ну это ж не так просто: взять и начать кушать. Мы уже опыт имели. Это ж не продукты первой необходимости – хлеб там или еще что такое. А раз сало, масло, то тогда уже заметно. Да и запах был. В Черкассах нам присваивают звания «младшие лейтенанты» и меня направляют в Карпаты, в 242-ю стрелковую дивизию, в 903-й полк. Был я уже командиром пехотного взвода. Дали мне наган, пехоту и два «максима». Автоматы в основном давали пехоте, а командиры – кто имел автомат, кто не имел. Немец полностью заминировал дорогу, по которой мы наступали. И нас командир батальона вел по лесу, обходили. А в лесу – там и дождь, и слякоть, и туман. Комбат сказал, что саперы должны идти впереди – разминировать. К утру вышли к какому-то селу: пехота наступала, а я своими пулеметами поддерживал.

– Вы сами за пулеметом были?

Не, там расчет 4–5 человек: пулеметчик, заряжающий, те, которые ленты подносят. А ленты были тряпичные, не такие, как у немца – железные. Патрон закладываешь и полностью ленту набиваешь, ставишь патронник в заряжающий и, когда тебе надо стрелять, нажимаешь пальцами, этим и этим (*показывает*), и он как огонь: дает 250 в какую-то секунду, сыплет. Ну и мы, значит, наступаем, а я перебегаю от одного пулемета к другому, координирую: там станковый пулемет и там. А рядом был колодец, и возле колодца заминировано. Ну а что, ты будешь смотреть, где заминировано? Там же прикрыто, ты не увидишь, свежее или не свежее. И когда я перебежал, наскочил на мину. И все. Мне отрывает вот так вот (*проводит по левой ноге рукой*), и я упал. . . Ну что, кровь у меня сочится, боли. В чашечку ранило, здесь вырвало кусок осколком. У меня была планшетка, там записи, конспекты с учебы, – попало в планшетку. А могло ведь и по яйцам дать. Я лежу на правой стороне, а эту так еще чувствую – больно. В это время выскакивает санитар, я, увидев, кричу. Он и хлопцы, пехота, увидели, что я лежу, санитар подбегает: «Ну выползай-выползай, смотри, чтоб ты, часом, не попал еще на какую мину». Я выползаю, упираюсь вот так одной ногой, а эту поддерживаю. Кровь течет, осколками раздробило полностью. Инструктор подбегает ко мне: «Ну все, давай я тебя перевяжу». Наложил один пакет, вот здесь перевязал вену, здесь и здесь перетянул. Взяли меня вдвоем, занесли в дом – там кушетка. Санитар говорит: «Ложись и не развязывай. Так и держи, чтобы кровь не стекала. Только через некоторое время ты чуть-чуть опускай, чтоб нога не синела, чтоб кровь сходила». И так я пролежал некоторое время, потом меня положили на подводу, на которой раненых возили в госпиталь. Дали одеяло: «Ложись вот, закутайся». Я закутываюсь, ко мне еще одного ложат: мужчину, но не военного – гражданского, тоже подорвался на mine.

– Какой это месяц был?

26 ноября 1944 года. Мне оставалось пять с лишним месяцев пережить. Это уже последняя рана была. . . Положили и куда везут? Черт его знает – ночь. Ехали мы километров 7–8. Приезжаем в лес, там натянута палатка брезентовая, в которой операции делают. Электрический свет от лампочек, костер маленький развели. Меня снимают с этой подводы и ложат на

кровать. Я думаю, что ж они будут делать, хирург и сестры. Хирург на нос мне капает эфир: «Считай». Считаю-считаю: «два, три... пять...», и все, перекинулся, ушел. Ничего не помню...

– Как вы вообще от болевого шока не умерли? Вам кололи какие-то обезболивающие?

(смеется) Та не, до самого медсанбата никакого обезболивающего не давали. У санинструктора ничего нет. Потом, правда, перед операцией дали укол, чтобы не так больно было... Наутро нас хирург будит на завтрак: там лежали раскладушки, и на этих раскладушках я и еще человека четыре. Подносят и рюмку вина. Ну я выпил – хорошее вино. После этого мне еще перевязку сделали и через некоторое время отправляют в какой-то госпиталь. Опять подводы подъехали, и нас погрузили на самолёт У-2, где-то в Мукачево или еще где-то, и через горы (того гражданского оставили в лесу). Лечу, думаю: налетит «мессер», подобьет. Летчик один, я с ним не переговариваюсь. Прилетаем в Чехословакию, и нас отправляют в госпиталь, где нас, безногих, много. Без двух ног некоторые. Лежим, приходят чехословаки и нас развешивают: один с трубой, тот на скрипке играет, женщины виноград приносят, еще кое-чего. А что нам? У нас, конечно, боли. Боли такие, что страх... Когда мы уже подлечились, нам перевязку сделали, оттуда на эшелон и куда? Не знаю куда. С нами в эшелоне девочки, которые приносят нас на руках – мы же не можем. Приезжаем в Киев, в госпиталь № 3985. И я там лежал с ноября 44-го года по 16 декабря 45-го – год с лишним. Ну, конечно, врачи хорошие были. Оба врача – женщины. Хирург хороший, операцию сделал хорошую. Мне, во-первых, еще делали реампутацию: долго не заживала рана... Там мы с женой познакомились, она в этом госпитале работала.

– Немцев много побили?

Что их считать? Тогда мы не считали.

– В спину вас где ранило?

В Крыму, под Севастополем, когда я был в артиллерии 76-й. Я ж еще не рассказал: когда мы отступали, под станицей Крымская нам дают трех девочек с этими счетверенными пулеметами (смеется). Они неопытные, я-то уже кадровый. А командир роты был азербайджанец. И я с ними прошел весь путь обратно до Краснодара. А под Краснодаром нашу ПВО передают в артиллерию, а девочек передают в связь. А нам говорят: «Кто хочет в артиллерию – пожалуйста». Я думаю: ну что, в артиллерию идти? Нема уже таких, с которыми можно было воевать. И вот я говорю: «Пойду в артиллерию». – «Какую?» – «76-миллиметровую». Все.

– Против танков приходилось воевать, когда в артиллерии были?

Нет, против танков нет. Мне приходилось по бронемашинам стрелять, по самолетам. Под Курском приходилось по пехоте: они сидели на машинах, а мы в это время пулеметом по этим машинам били.

– В артиллерии вы кем были?

В артиллерии я был заряжающим: этот снимал колпак, они же с колпаком, мне давал восьмикилограммовый снаряд. Я беру этот снаряд и бросаю в ствол. А в это время другой закрывает затвор, а тот нажимает кнопку и стреляет. Ну я подал снаряд и не успел: рука попала между стволом и снарядом – полностью снял ноготь.

– Про бои в Крыму можно подробнее?

Осенью 43-го мы на переправе установили артиллерию. Поставили чуть не через 10 метров орудия, обстреливали берег ночью. А пехота должна в это время через Азовское море катерами на Керчь переправиться. Четыре с половиной километра Керченский пролив, немец укрепился на другой стороне, а воды полностью минированы. Ну и когда мы обстреляли берег, а пехота высадилась, мы тоже свои орудия на катер и на тот берег. А там же берег такой, что катер не подойдет вплотную. И нам пришлось вплавь высаживаться, а это был ноябрь месяц, 21 ноября. Катер после смог подплыть ближе, потому что освободился от нас, и мы начали эту пушку 76-ю вытягивать на берег и после на гору. Там пехота немцев уже выгнала и заняла

оборону. А после мы продвинулись километров на пять, установили свою пушку и продолжили обстреливать, чтобы пехота дальше наступала.

– Сапун-гору не штурмовали?

Сапун-гора, она ж под Севастополем, а мы чуть правее Керчи высадились. По берегу Азовского моря двигались. Правда, когда мы уже несколько километров по берегу прошли, так к нам Черноморский флот начал подплывать: помощь оказывать артиллерией, высаживались моряки. Вот таким путем мы двигались на Симферополь, а когда Симферополь взяли – двинули на Севастополь. И здесь, под Севастополем, я был ранен: немец начал обстреливать наш полк, мина взорвалась недалеко, и осколком меня по спине. Я на самой пушке сидел, потому что нам надо было выдвинуться – там был такой яростный бой, надо было перебежать с пушкой. Артиллерия наша на лошадях была. А когда вдарило по спине – я с пушки упал, и мне через ноги, одну и другую, колесом прошло. Ноги у меня опухли полностью. Меня в госпиталь отправили, в Мелитополе лежал, есть справка.

– У артиллеристов было личное оружие?

А как же, конечно: у них или пистолеты, или автоматы.

– Пленных вам приходилось брать?

За всю войну пленных я сам не брал. Потому что я то в артиллерии, то со станковым пулеметом – его ж не бросишь (*улыбается*). Это пехота, когда наступала, так они могли взять в плен. Или могут «языка» взять – это ночью посылали. Нас как-то командир роты послал в разведку, человек пять: узнать, какая часть соседняя.

– Как вы к Сталину относитесь?

Нормально.

– Что с семьей вашей случилось во время войны?

Родители были в оккупации. Брат Иван, который 18-го года, погиб под Орлом. Будто бы он тяжелое ранение получил и в госпитале умер от ран.

– Пили много на войне?

Ну, на войне давали по сто грамм. Вот под Керчью, когда высаживались, так нам дали по шкалику водки.

– У солдата что обычно было с собой, какие вещи?

Давали нам бритвенные принадлежности, помазок. Парикмахер иногда приезжала. Ну это уже ближе к концу войны.

– Сейчас модной стала тема про энкавэдэшников: мол, везде сидели заградотряды с пулеметами и по своим стреляли.

Во-первых: по 227-му приказу «Ни шагу назад!» – это когда Ростов второй раз сдавали, то нам объявляли этот приказ. Заградительные отряды были: если ты где-то думаешь отступить или перебежать на другую сторону – значит расстрел.

– У вас были такие случаи?

Были два случая: один под Смоленском, один на Кавказе. Когда наши Смоленск сдали, стояли мы в обороне, и в одном селе (Ярцево, кажется) в ОБХСС кто-то доложил, что один, видно, самострел сделал и дома сидел. Если он ранен в бою, на передовой, так ему санинструктор должен перевязку сделать, дать направление в госпиталь. А этому кто даст справку? Ну и особый отдел узнал: передали в штаб нашей дивизии, начали разбираться, а он самострел. А раз самострел – полевой суд в течение трех дней, расстрел, и все. Ну а что ты будешь делать? Там не считаются ни с чем. Вывели подразделение, которое должно стрелять, человек 7–8 с винтовками, выкопали окоп, чтоб он туда упал, вывели батальон, чтобы посмотрели на результат, суд прочитал приговор: расстрелять, «Пли!» – все выстрелили ему в спину, закопали и на этом закончили.

Когда мы на Крым шли по Краснодарскому краю (Абинская, Крымская станица), а это была зима или весна, там такие места: то лес, то болота, глина. Там немецкие танки и автома-

шины не могли пройти, застревали. Они их поджигали и сами убегали. А наши лошадьми и подводами продвигались еле-еле по грязи и тоже застревали. Пехота наша помогала артиллеристам переносить снаряды. Были случаи, что освобождали селения, а в них – кубанцы, которые отступали и, проходя через свое село, оставались дома. Еще молодежь была, которую не брали сразу, когда война началась: 25-й, 26-й год. А теперь уже наши военкоматы мобилизовывали их и направляли на фронт, на передовую. А они необученные.

– Не обучали разве?

Да когда? Когда их обучать? Их даже не могли переодеть. А как же: надо нашей пехоте помогать освобождать села, чтоб немец не задерживался. Пехоту ж тоже не могут как следует обеспечить, они ж тоже теряли – бои же, многие погибали. А эти необученные. Тоже были случаи, что пойдет в бой непереодетый. Это когда была возможность отправить в запчасть, если наши где-то двинули немца далеко и там держат оборону – командир потерял много своих бойцов и не может поднять на бой, то в это время военкомат брал и несколько дней обучал. Ну и пополнение давали из госпиталей.

«Товарищ Чуприна, находясь со своей зенитной установкой 27 апреля 1943 года при налете авиации противника в хуторе Майорский Краснодарского края и лично ведя огонь по вражеским самолетам из крупнокалиберного зенитного пулемета, несколькими длинными очередями сбил в 17 часов 30 минут пикирующий бомбардировщик типа «Юнкерс-87». Воспламенившийся самолет упал в районе полевого стана, 1,5 километра северо-восточнее хутора Мазепа. Товарищ Чуприна проявил себя смелым и хладнокровным командиром. Когда боевая обстановка бывает особенно напряженной, он сам лично ведет огонь по врагу, показывая пример личной отваги и мужества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.